

Наталья Усачева
Доктор философских наук
Президент Гендерного информационно-
аналитического центра /ГИАЦ/
г. Караганда, КАЗАХСТАН

Теория и методология современных гендерных исследований

Сегодня многообразие теоретического инструментария и возросшие связи наук дают возможность складываться междисциплинарным стратегиям, включающим единство и многообразие аспектов и подходов исследования.

Гендерный подход как раз и отвечает тем требованиям современной науки, которые обеспечивают полноту охвата в объяснении и прогнозировании как глобальных, так и локальных процессов как на уровне объективной необходимости и исторической опосредованности, так и на уровне частного и единичного.

Но и это ещё не всё, поскольку гендерные исследования включают проблемы социализации, самоидентификации, самоактуализации, а, кроме того, проблемы социальной стратификации и субординации, следовательно, гендерные исследования должны базироваться на методах социологии, психологии, политологии и других гуманитарных и социальных дисциплин.

Вместе с тем, гендерная проблематика и гендерный подход постепенно приобретают статус относительно самостоятельной теоретической дисциплины, со своим предметом исследования (половая дифференциация и стратификация общества, принципы трансформации гендерной системы, критерии формирования гендерной идентификации и проч.), со своим метаязыком, поскольку гендерные исследования имеют свои ключевые категориальные понятия, такие как “гендер”, “гендерный контракт”, “гендерная система”, “гендерный дисплей”, “гендерный статус”, “маскулинность”, “феминность”, “гендерная асимметрия”, “сексизм”, “андроцентризм” и т.д. Это такая система понятий, вошедшая в обиход гендерных исследований, которая позволяет наиболее полно отразить, с одной стороны, способы формирования и реализации гендерных стереотипов, установок и норм, а с другой - выявить механизмы гендерной социализации личности, и в первую очередь незаданные генетически природой, а определяемые воспитанием, культурой, идеологией.

С позиции гендерного подхода важно не только различие и особенности мужского и женского (это предмет гендерной психологии), а более широкий пласт: выявление условий и факторов, формирующих различие и специфику роле половых моделей и обеспечивающих становление половых различий на микроуровне статусных самоидентификаций и социальных притязаний.

Первые исследования полоролевой стереотипизации проводились именно психологами с целью вычленения типичных различий, относящихся к представлениям мужчин и женщин друг о друге и о себе. Для гендерных исследований это чрезвычайно важный и

в определенном смысле базовый материал. Но ракурс гендерного подхода намного шире, поскольку необходимо ответить на вопросы: чем определяются гендерные стереотипы, как они воздействуют на гендерную стратификацию, как моделируют гендерную реальность культуры. Анализируется не поведение и особенности проявлений мужчин и женщин, а то, что ждёт, что допускает, что разрешает и что запрещает человеку общество в соответствии с его половой принадлежностью в системе власти и субординации.

Гендерные проблемы получили свою артикуляцию только в феминистских исследованиях. Феминистские авторы обратили внимание на то, что жизненный стиль мужчины и женщины зависит от ряда культурных факторов, в первую очередь, таких как освоение образцов мужественности и женственности.

На первый план в их исследовательских дискурсах хотя и выдвигалась очевидность различия мужского и женского, но вместе с тем указывалось на наличие дополнительного смыслового контекста культуры, предопределяющего неравноправные формы проявления этих различий.

Подготовленный феминистскими исследованиями подход, обращает внимание на необходимость учета социальных детерминант половой социализации в контексте кроскультурных различий. Он представляет собой разновидность целой серии модернистских философских и психологических концепций индивидуальных различий. Психологи также пришли к тому, что все понятия, связанные с представлениями о “норме”, так или иначе, соотносятся с “мужской нормой”. Мотивация женского поведения нигде не учитывается и не анализируется. Впервые классическая психология и психоанализ были подвергнуты критике за андроцентризм субъектно-объектного анализа и методов.

Логика развития гендерных исследований находит своё основание в феминистских и феминистских исследованиях, которые поставили целью своего анализа определить, насколько истины и какова степень научной достоверности традиционных положений о природной заданности социальных ролей мужчины и женщины. В контексте социальных феминистских исследований появилось теоретическое разделение понятий “пол” и “гендер”. Дифференциация этих понятий, произошедшая в 70-80 годах XX века, вывела исследования на новый теоретический уровень. Следует назвать работу Гейл Рабин “Обмен женщинами” (1974 г.). В этой работе, используя методы психоанализа и структурной антропологии, автор изучила символическое значение факта обмена женщинами между мужчинами. Согласно этому факту женщины оцениваются как существа, относящиеся исключительно к семейной сфере. В результате “пологендерная система выступает как набор соглашений, которыми общество трансформирует биологическую сексуальность в продукт человеческой активности”, т.е. выступает системой власти и доминирования, которая конструирует два пола как различные, неравные или взаимодополняющие. Следовательно, семья также является властным союзом, который обеспечивает превосходство мужчин, утверждая гетеросексуальность как доминанту политической экономики для обоих полов. Психолог Рода Унгер предложила в своей книге “О редефиниции понятий пол и гендер” использовать слово “sex” только тогда, когда речь идет о специальных биологических аспектах человека, а понятие “гендер” должно определять социальные, культурные и психологические аспекты, которые формируют черты, нормы, стереотипы и считающиеся типичными и желаемыми для тех, кого общество определяет как мужчину или женщину.

Однако Унгер отмечает ещё и то обстоятельство, что гендер и его компоненты (гендерные нормы, стереотипы, роли и гендерная идентичность) могут варьироваться как в континууме крайних проявлений маскулинности и феминности, так и в проявлениях, представляющих своеобразную комбинацию мужского и женского с очень ограниченным набором различий.

Гендер служит одним из базовых измерений социальной структуры общества, наряду с классовыми, возрастными и национальными характеристиками личности. Введение понятия “гендер” в систему гуманитарных наук потребовало и нового анализа понятия “пол”. По представлению Дж. Скотт, “осознание гендерной принадлежности - конструирующий элемент социальных отношений, основанный на воспринимаемых различиях между полами, и пол - это приоритетный способ выражения властных отношений”.

Таким образом, получается, что понятие “гендер” действительно нельзя свести ни к понятию “пол”, ни к понятию “полоролевые модели поведения”, поскольку гендер охватывает не только социальные грани половых различий и их природу, в их социальном или индивидуальном выражении, но анализирует гендерное содержание традиций, морали, религии, политических институтов, экономики, языка, искусства - любой формы человеческой деятельности и различные способы общественных организаций. Анализ совокупности факторов социального воздействия на человека может дать объяснение того, как формируется половая идентичность человека, что она значит, для него и как это выражается.

Пол в контексте гендерного конструирования представляется как категория биологическая - непосредственно данное сочетание гениталий, дородовой, подростковый и взрослый гормональный набор: способность к прокреации.

Пол (sex) - как социальная категория, обозначающая показатели социальных функций, основанных на способности к воспроизводству и ролевом взаимодействии полов, как продолжателей рода и исполнителей воспитания потомства.

Гендер - категория процесса: обучение, “вхождение” в роль, овладение поведенческими действиями, соответствующих или несоответствующих определенному гендерному статусу. Гендер - как структура, особенно структура поведенческих моделей и, в первую очередь, структура господства и подчинения, структура сфер оплачиваемого и неоплачиваемого (домашнего) труда, а также сфер социального пространства - публичного (мужского) и приватного (женского).

Теоретическое обоснование дефиниций “пол” и “гендер” получили в современных гендерных исследованиях следующее значение и тематизацию:

Следовательно, в системе гендера учитывается не только отличие между полами, но и то внимание, которое уделяется полу со стороны общества. Таким образом, спектр анализа перемещается на гендерную детерминацию социального конструирования пола. В этом случае меняется предмет исследования: не пол, а социум выступает основным объектом анализа в его воздействии на формирование пола, как включенного в систему социальных ожиданий и предписаний, что и определяет индивида со стороны его способности самоидентификации и сопоставлению себя и абстрактного, идеального носителя качеств “настоящих” мужчины или женщины.

Полоролевые модели в контексте гендерного подхода, прежде всего, строятся на определении социального доминирования в осознании и функционировании пола (гендера).

Сам гендерный подход при наличии смысловой вариативности понятия “гендер” может также включать в себя определенные специфические особенности теоретического ракурса, что говорит о дискуссионности и многоплановости гендерных исследований, обещающих возможность неоднозначности решений.

Так, гендерно-чувствительный подход (Гирдман, 1991г.) концентрирует внимание на индивидуальных различиях и на различии взглядов мужчин и женщин, при признании статусного равенства между ними.

Гендерно-нейтральный подход настаивает на признании равенства полов притом, что гендерные различия признаются незначительными и не допускают ценностных определений.

Имеет место и гендерно-стереотипизированный подход, где признаются различия, но отрицается равенство между полами. Женщины и мужчины должны культивировать половые различия, причём, в этой системе отношений женщина всегда должна нуждаться в защите и поддержке со стороны мужчины.

Гендер позволяет определить не только социальный статус личности в соответствии с его половой принадлежностью, но и провести динамическое изменение культуры, её социальных параметров, а именно: возможностей и ограничений, доступа к социально значимым ценностям, иерархическую зависимость, т.е. всех тех инстанций нормирования и регулирования социального поведения, фиксирующих половую дифференциацию личности. Так или иначе гендерному измерению могут быть подвергнуты онтология, гносеология и эпистемология общественного бытия. При условии, что исследователь отчетливо понимает возможности и ограничения принимаемого подхода.

Исследование гендерного измерения культуры связано, прежде всего, с ростом значения индивидуальности в реалиях общественной жизни - “персонализацией”.

Чрезвычайно сложным вопросом для выявления гендерного конструирования культуры является вопрос о социокультурной детерминации пола в контексте не апробированных, новых нормативных требований в период формирования нетрадиционных, новаторских стереотипов сексуального поведения и отношений. Наличие фундаментальной, исходной базы гендерного конструирования признается как аксиома, ее основанием признается традиция и язык. Тогда возникает вопрос: из чего “произрастают” новые традиции, насколько возможно новое наполнение языка? Кроме того, язык, который есть отражение патриархатных норм и ценностей требует только некоторого обновления или необходим новый способ осмысления?

Наконец, остается еще один чрезвычайно сложный для теоретического анализа вопрос: существует ли собственно мужская и собственно женская культура? Радикальный и социалистический феминизм, проводя анализ культуры под углом зрения распределения власти, отвечает на этот вопрос однозначно: мировая культура андроцентрична по всем своим основаниям. Женщины отстранены от политики, социального влияния, следовательно, их воздействие на культуру или чисто маргинально или опосредованно. Для изменения этого положения необходима

социальная революция, в результате которой возможно будет создать свою автономную женскую культуру и женскую историю.

Довольно спорными оказываются при этом выдвигаемые стратегии борьбы с патриархальными убеждениями. Если конструирование гендера не может быть ничем иным, кроме как продуктом психосексуального выражения гендерной культуры данного общества и данной исторической эпохи, то, следовательно, необходимо создавать некую альтернативную, построенную на других принципах культуру, не связанную с патриархальным символическим порядком, свободной от маскулинного доминирования системой ценностей, с собственным аутентичным женским опытом, языком, этикой и эстетикой. Насколько это возможно?

Кроме того, такой подход отстраняет женщин от иных реальных или воображаемых альтернативных форм бытия. И насколько правомерно тогда говорить о суверенной свободе личности женщины, хотя она и освобождена от гнета власти мужчин.

На наш взгляд, необходимо определить параметры изменения не отдельно женской культуры и женского самосознания и не отдельно мужской, а всей бисексуальной вселенной, в которой “единенье, сочетание и поединок роковой” между мужчинами и женщинами вечен. Модальность и результаты этого долгосрочного и бесконечного изменения вряд ли можно однозначно определить. Однако если мы не беремся определить конечный результат изменений гендерных отношений, то мы обязаны выявить хотя бы направление и основные тенденции этого процесса, найти эвристические и нормативные потенциалы гуманистических преобразований культуры, которые наиболее выпукло и ярко представлены через призму гендера.

Гармоничное партнерство между мужчинами и женщинами в общественной и личной жизни может служить идеалом для общественного благосостояния. В практике преобразований это предполагает формирование более высокого уровня общекультурного и эмоционального общения, что должно быть направлено на достижение взаимопонимания между мужчинами и женщинами в вопросах совместного решения социальных, семейных, репродуктивных, сексуальных и других проблем.

Методология социального конструирования, теоретической базой которого являются работы Бергера, Лакмана, Гоффмана и Гарфинкеля опирается на признании того, далеко не бесспорного допущения, что гендер является определенной совокупностью личностных психологических черт, ролью и продуктом особого рода социального сознания.

Концепция гендера, как социокультурной детерминации, имеющей в своей основе символическую интерпретацию и социально-историческую динамику моделей, строится на теориях социального конструкта (Лорбер, Фарса), деконструкции Жака Дерида. Деконструкция в его методологии - это процесс разгадывания метафор, вскрытия их внутренней логики, заключающей в себе наличие бинарных оппозиций-понятий (мужчина - женщина, природа - культура, объект - субъект и т.д.) Но это не простое противостояние и противоположение, это доминанция одного по отношению к другому. В деконструкции Дерида оппозиции без подчинения не существует, и разоблачение понятия заключается в выявлении его культурно-идеологического, а не реального значения. Э.Гоффман дал возможность активно ввести концепцию социальной деконструкции гендера.

Проблема соотношения постмодернизма как специфически широкого определения современной культуры, философии и феминизма дает нам богатый материал для самых неожиданных выводов. Таких, например, как вывод о том, что именно феминистский постмодерн, или феминистский постструктурализм оказывается, чуть ли не единственной практической философией. Как пишет об этом К.Видон: “Это способ производства субъективности социальных процессов и институтов для понимания существующих отношений власти и для определения областей и стратегий изменения”.

В контексте гендерных исследований все чаще делается вывод о том, что теоретический феминизм оказывается фокусом многих ключевых философских проблем. Если раньше положение женщин было интересной иллюстрацией к социальным концепциям, то сегодня ментальная ситуация как бы переворачивается: нефиксированность половых ролей, самостоятельность идентификаций - все, что, например, Ж. Липовецки относит к феномену *третьей женственности*, становится мощным теоретическим источником исследования современного общества, своеобразным самоопределением новейшей философии. В контексте этой философии главным элементом, определяющим специфику постмодерна в целом и новейшего индивидуализма является женское.

С нашей точки зрения, это не удивительно, а, скорее, закономерно. Постклассическая философия, пытаясь найти новую тему, новый стиль или новый метод для послегегелевской философии, неявно обращалась к анализу сексуальности. Но лишь философия постмодерна сделала это явным образом. Такое “проявление”, осмысление всего того, что было за пределами исследования в классической философии - одна из характерных черт постмодернистской философии. Таким образом, философия, как и вся культура постмодерна, выполняет двойную функцию: представляет новый предмет, до той поры от публики скрытый, и представляет его совершенно новым образом. В этом смысле показателен центральный термин теоретического феминизма “гендер”, - он фиксирует одновременно новый предмет исследования - отношения полов в конкретном социально - историческом и культурно - ситуационном контексте, и новый, чисто постмодернистский подход к этому предмету - стремление “снять” иерархичность этих отношений.

Движение от философии модерна и философского постструктурализма было одновременно попыткой преодолеть бинарное рассмотрение мира и дихотомическое построение самой философии.

Как довольно удачно сформулировал французский философ М.Мерло-Понти, важнейшей задачей метафизики XX века является преодоление ее антитетичности как в ответах на “вечные” философские вопросы, так и в самой их постановке.

Традиционная альтернатива общего и единичного, индивида и общества, возможности и действительности, сущего и должного, старого и нового, веры и разума, мужского и женского – наконец, становится в новейшей философии, в том числе феминистской, темой историко-философской критики, по отношению к которой формируется новая атмосфера постмодерна, то есть новый стиль философского мышления. Это поиск третьего безальтернативного пути.

В основание такого подхода лежит принципиальное отличие всей, в том числе философской, культуры постмодерна, рассматривающей человека, его восприятие мира и мир в тесной взаимосвязи.

Проблема субъективности и идентичности субъекта становится одной из центральных. Идентичность субъекта понимается как нечто несводимое к структуре или функции. В этом общее настроение философии постмодерна совпадает с идеями постмодернистского феминизма - задача состоит в том, чтобы мыслить различное.

Если традиционные теории радикального и социалистического феминизма обосновывали необходимость создания или поддержки обособленной и оппозиционной к патриархатной женской культуры, то постструктурализм исходит из лакановского понимания того, что субъективность - нечто, в своём основании не цельное и не фиксированное. С этой точки зрения, нет не только обособленной по отношению к мужской, женской культуры, нет и не может быть того единства норм и ценностей, которое традиционное мышление называет культурой. Ж. Деррида использовал другой термин для обозначения этого свойственного современной истории феномена - "децентрация" культуры. Ситуация в обществе и культуре аналогична ситуации в языке и философии: нет центра, ядра, вокруг которого бы строилась общественная жизнь, культура, интерпретация, философская концепция. Поэтому задача современного мышления, с точки зрения Ж. Деррида, - мыслить не "наличествующее настоящее", фиксированное и однозначное, а мыслить "различие", отсутствующее, возможное, то есть мыслить на основании совершенно новых концептов знака, системы, коммуникации. Критика Ж. Деррида традиционного "онто-тео-телео-фалло-фонологического централизма" должна вызвать к жизни принципиально новое "децентрированное", или, используя название предложенного им метода текстологического анализа, "деконструктивистское" мышление философии, философию "гимена". Речь идёт о новом, не приемлющем статики и однозначных определений, взгляде на мир.

Ключевой проблемой философии постмодерна становится проблема нового способа выражения этого нового взгляда, проблема текста и языка, попытка построить язык, предполагающий различие, или, по крайней мере, исключающий иерархию. У Ж. Делёза это переход от полярного (двоичного) принципа деления к молекулярному, у Р. Барта это тезис о "числе языков, равном числу желаний".

Вопрос о сексуальности, таким образом, переформулируется в вопрос о сексуальности как социальном конструкте и формах его проявления. Термин "феминное" используется для обозначения принципиально нового подхода к проблеме субъективной идентичности, подхода, предполагающего множественность конкретных решений. Мыслить "инвариант" феминного как ключ к пониманию вечно изменяющегося общества - специфическая черта постмодерна, нашедшего в "женском" не альтернативу мужскому, а отказ от альтернативности. По их мнению, речь должна идти о гораздо более широком и значимом явлении, чем новый этап в экономическом положении и организации домашней работы женщины, - о новом способе конструирования того, что можно было бы назвать "феминной" идентичностью. Ж. Липовецки называет эту новую историческую модель "третьей женщиной". Третья женщина соединяет в себе несоединимое, она предстаёт одновременно "радикально изменяющейся" и "постоянно возобновляющейся в своём постоянстве".

Так называемый "лингвистический" поворот, поставивший в качестве основной задачи философии описание дискурсивных способов конструирования субъективности, содержательно сблизил новейшую философию и феминизм. Постструктуралисты рассматривали социальные явления как специфические языковые практики, по отношению к которым субъект всегда оказывается пассивным. Но

постструктуралистская критика предполагала возможность противостоять репродуцирующим иерархию языковым структурам.

У Ю. Кристевой семиотический этап формирования субъекта, неподконтрольный сознательным стереотипам, символам, которые появляются позже, способен наиболее адекватно, то есть плюралистически, выразить то бесконечное, поливариантное желание, которое, как считал Ж. Лакан, лежит в основе субъективной идентичности. Семиотика оказалась сферой активного участия мужчин - теоретиков в феминистской борьбе. Пожалуй, только в этой деятельности - по деконструкции патриархатного дискурса - мужчины приняли не только активное участие, но были инициаторами освоения данной проблематики. Кроме названных, это и М. Фуко, и Р. Барт, считавшие вслед за Ж. Лаканом область бессознательного, телесной эксперсии той областью, в которой выражает себя субъективное.

Семиотический анализ стал базой для появления собственно феминистского постструктурализма. Оно связывается прежде всего с концепцией Ю. Кристевой, хотя она отличается от последовавших за ней Э. Сиксу, Л. Иригарей и др. У Э. Сиксу утопический выразительный язык получает название “женского письма”, в противоположность “мужскому”, антитетически - рациональному. У Л. Иригарей речь идёт о принципиальной смене символизма - однозначного “фаллического” на многозначный “вагинальный”. Пестрота используемых терминов по-разному подчёркивает специфику нового понимания языка, в котором нет центральных понятий, основывающихся иерархию. Ю. Кристева считает, что маргинальное феминистское письмо способно изменить существующий “колониальный” уклад.

С этой точки зрения, различные варианты - перечисленные “классические” и новейшие - феминистской критики закономерно вписываются в общий проект деконструкции. В этом сила и одновременно источник внутренних противоречий феминизма постмодернистского толка: если новое мышление, действительно, продуктивно при анализе форм сопротивления традиционным властным структурам, “структуре” как концепту, то оно часто выглядит антигуманным с точки зрения традиционного понимания субъективности как индивидуальности.

Постмодернистское развитие феминизма, как показывают дискуссии последних лет, может подорвать феминистское движение изнутри. Возник даже устойчивый термин “гендерскептицизм”, обозначающий определённое недоверие феминистского постструктурализма по отношению к традиционному феминизму, а также попытку защитить завоевания феминизма от постмодернистской критики, своеобразное недоверие феминизма к философии.

Ведь если традиционный, прежде всего радикальный и социалистический феминизм, исходя из своего понимания женственности или женской сексуальности, пытался предложить альтернативную существующей в данном обществе форму ее проявления, но опять-таки общую для всех женщин, то новейшая философия не только переводит разговор из плана реального в символический, дискурсивный, но, пытаясь вернуться к исходному, находит лишь субъективное, фрагментированное.